

ОЖЕРЕЛЬЕ «УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХ» ДВОРЦОВ

Гениальный чертежник

С самого основания Петербурга Петр I стремился опоясать столицу целой вереницей загородных дворцов и домов. Для царя, членов его семьи, знати в довольно диких по тем временам местах казенные работные, ка-торжники, военнопленные и солдаты строили усадьбы. Места эти — современные острова, участки вверх и вниз по Неве и по ее притокам, побережье Финского залива и даже центральные (ныне) районы города. Так, уже в первые годы Петербурга берега Фонтанки стали дачной местностью. Здесь в 1712 г. было построено для генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева «Шереметевое подворье» — будущий «Фонтанный дом». Загородный дом генерала И. Я. Дюпре стоял возле Аничкова моста. Дальше, от устья Фонтанки к морю, тянулась вереница загородных дворцов царской семьи: Екатерингоф, Анненгоф, Елизаветгоф, а также Подзорный дворец, который стоял «на островку», почти в заливе. Но больше всего летних дворцов и домов размещалось по Копорской (позже Петергофской) дороге. Вдоль нее вся земля была распределена под дачи, строить которые состоятельным подданным Петра надлежало в обязательном порядке. Сам царь еще в 1704 г. пригласил для своей дачи крутой косогор у финской деревни Кууссойя, откуда открывался величественный вид на море и остров Котлин.¹

В первый раз название «Петергоф» мы встречаем в «Походном журнале» Петра I от 13 сентября 1705 г.² В тот день Петр на любимой, собственноручно построенной им шняве «Мункер» подошел к маленькой пристани на южном берегу Финского залива. Здесь царь высадился и по склону холма поднялся к Петергофу («Двору Петра»), где стояли его «Попутные светлицы». Подобные «путевые дома» строили тогда вдоль дорог для отдыха царственных особ. В Петергофе государь обычно пересаживался из коляски на ожидавшее его у пристани судно. Останавливался он в Петергофе (вообще при Петре писали «Питергоф» или «Питер Гоф») на обратном пути из Кроншлота, как это и случилось 13 сентября

¹ Гейрот А. Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 4; Горбатенко С. Б. Новые страницы ранней истории Петергофа // НА. Сб. 1. С. 147—148.

² Походный журнал 1705 года. СПб., 1911. С. 25.

1705 г. Ясно, что «Попутные светлицы» были сооружены раньше первого их упоминания в документе, возможно после 7 мая 1704 г. (в тот день Петр присутствовал на освящении только что построенного морского форта Кроншлот). Это косвенно подтверждает относящаяся к 1714 г. запись ганноверского резидента Ф. Х. Вебера: «Осмотрел увеселительный дом Петергоф. ...Уже свыше десяти лет (т. е. не позже 1704 г. — Е. А.) лучшие архитекторы и несколько тысяч человек трудились над ним, покоряя природу».³ С тех пор Петр часто останавливался в Петергофе по пути на Котлин. Ведь на острове строилась крепость, стояли корабли, здесь Петра ждали многочисленные дела — как известно, тогда он вообще задумал разместить столицу империи на Котлине.

Мы не знаем, как выглядел Петергоф изначально, — «Попутные светлицы» до нашего времени не сохранились. Но можно предположить, что это был скромный деревянный двухкомнатный домик, подобный Домику Петра на Петровской набережной в Петербурге. Скорее всего, «Попутные светлицы» располагались на горе возле финского поселения Попова мыза, которое впервые упомянуто в документах 1704 г. Еще одной постройкой в Петергофе стали «Верхние палаты» — на месте современного Большого дворца. О дате основания «Верхних палат» нет единого мнения. Раньше считали, что их начали строить в 1714 г., теперь же некоторые ученые утверждают, что дату основания каменных «палат» нужно отнести к 1710 г., когда у Петра сложился замысел всего Петергофского ансамбля.⁴ Скорее всего, так и есть — примерно в 1710—1711 гг. был построен первый деревянный дворец под холмом, в прибрежной роще, или, как тогда писали, «хоромцы... которые внизу стоят» (они находились недалеко от возведенного позже дворца Марли). Этот скромный одноэтажный дворец в «две светлицы», под железной крышей, тоже не сохранился, как и другой, построенный у самого моря, «на гавани». В целом же на более раннюю (до 1714 г.) дату строительства дворцов в Петергофе указывает и историк XVIII в. И. И. Голиков, писавший, что Петр в январе 1712 г. осматривал работы, произведенные «минувшим летом», то есть в 1711 г.⁵

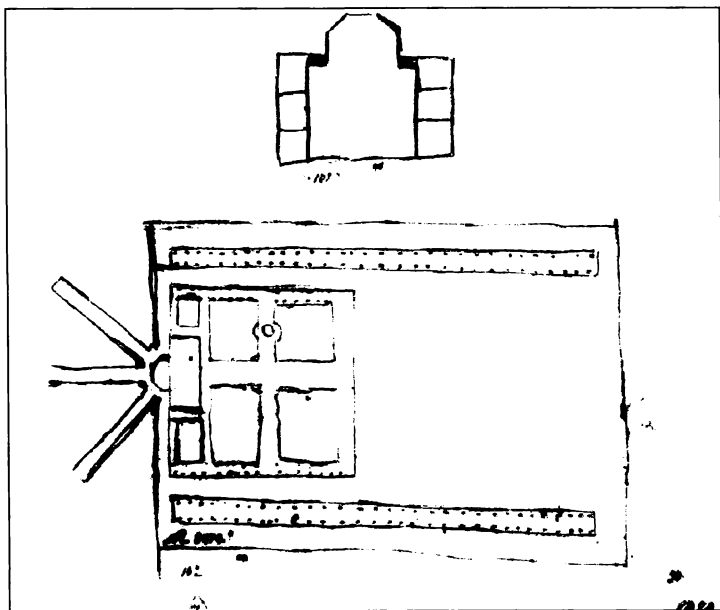
Петергоф никогда бы не стал великим творением человека и природы, если бы не сам Петр I. Хотя царь не был профессионалом в архитектуре и устройении парков, но, как человек гениальный, он мгновенно схватывал главное, находил с виду такое простое, но единственно верное решение. История сохранила для нас два чертежа Петра, которые и дали жизнь Петергофу. На одном листе торопливо, размахисто царь соединил линией (или, как тогда говорили, «перспективой») строившийся на вершине холма дворец («Верхние палаты») с берегом залива. Неважно, что это было — аллея или канал. Важно, что этот набросок — свидетельство

³ Вебер Ф. Х. Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента // РА. 1872. Вып. 6. С. 1058—1060.

⁴ Горбатенко С. Б. Новые страницы... С. 149.

⁵ Голиков И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 11. М., 1792. С. 7.

истинного озарения: Петр проложил главную ось, на которую потом был «нанизан» весь Петергоф с его парками, дворцами, фонтанами. На другом листе Петр развил этот замысел: от холма, на котором явственно намечен дворец, отходит не один, а три луча — «перспективы». Это будущие Большой канал и две аллеи, ведущие к морю (одна — к Монплезиру, другая — к будущему Эрмитажу).⁶ Так возникла «система координат», придавшая всему ансамблю Петергофа необыкновенную стройность, простоту и изящество.⁷ Вскоре в Петергоф повезли строительные материалы, стали осушать заболоченные земли будущего Нижнего парка...



Ансамбль Петергофа. План-эскиз Петра I. 1714

Стройка в Петергофе стала возможна в результате изменения всей обстановки в стране после победного Полтавского сражения 1709 г. Петр все чаще стал приезжать в Петербург, все дольше жил там с семьей. Петергоф превратился для него из пристани, откуда он отплывал в Кронштадт, в любимую загородную резиденцию, где он с семьей любил проводить лето. Дворец Монплеzir (от фр. «mon plaisir» — «мое удовольствие») царь задумал сам, сам же наметил для него место, определил планировку, внешний и внутренний вид здания. Он заложил дворец предположительно 17 мая 1714 г. Эти,

⁶ Грабарь И. Э. Основание и застройка Петербурга // Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954. С. 108—109.

⁷ Там же. С. 113—114.

как называл их Петр, «палатки маленькие» (т. е. небольшие каменные здания) и положили начало современному дворцовому ансамблю Петергофа. Первым строителем, имя которого запечатлела история, был выдающийся прусский архитектор Андреас Шлютер. Он по данному царем «текену», то есть образцу,⁸ строил Монплеизир, он же начал возводить Большой грот и Каскад, а также, по предположению И. Э. Грабаря, — «Большие» («Верхние», «Нагорные») палаты». Но Шлютер умер в 1715 г., и дело продолжил его ученик Иоганн Фридрих Браунштейн (Бронштейн), приехавший со Шлютером в Петербург в 1713 г. в роли чертежника. Он занялся многими делами: планировкой и возведением Верхнего сада и Нижнего парка, строительством Нагорного дворца, Монплезира, потом Марли и Эрмитажа.

С 1714 г. Петр не спускал с Петергофа глаз, торопил строителей. 24 января 1715 г. он дал распоряжение А. М. Черкасскому «О строенье в будущей лето». Под № 7 стояло: «В Питергофе полатки зделать, также канал до моря выкопать», и далее царь указывал, как поступать с вынутой землей.⁹ Такие указы-реестры работ станут обычными в последующие годы.

В Монплезире воплотились давние мечты «адмирала Петра Михайлова» — так на флоте многие годы величали царя-флотоводца. Как уже не раз говорилось выше, с ранних лет Петр питал слабость ко всему, связанному с Голландией. Поэтому у Монплезира есть и другое имя — «Голландский домик». Здесь все было, как в загородных летних домах богатых амстердамцев (такие и теперь стоят по берегам рек и каналов): одноэтажная кирпичная неоштукатуренная постройка под крышей с переломами, окна с мелкой расстекловкой и типично голландскими подъемными рамами. Сквозь них виден мраморный пол, отблеск огня в большом камине, дубовые панели на стенах, потемневшие от времени картины. Как и в Голландии, помещения здесь небольшие, уютные.

Отступление

Утро в «Монплезире»

Петр при каждом удобном случае стремился в Петергоф. На гравюре А. Ф. Зубова «Панорама Петербурга» мы видим царскую яхту. Свежий ветер надувает парус, голландское суденышко рассекает волны, хлопает флаг на корме... Дочери-царевны и гости спрятались в маленькой теплой каюте, а великий моряк правит яхтой. Екатерина же как всегда рядом — боевая подруга! Так и кажется, что яхта идет на взморье, в Петергоф. А там ее уже поджидают: «Его величество изволил идти с государыней императрицей и с царевнами поутру в 8-м часу на яхте в Питергоф, а при них князь Василий Долгорукий и Александр Головкин».¹⁰ Зачем царь взял с собой

⁸ Там же. С. 110.

⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 1. Л. 2 об.

¹⁰ Походный журнал 1724 г. СПб., 1913. С. 222.

посланников в Копенгагене и Берлине на семейную прогулку, мы не знаем, но, вероятно, не забавы ради... дела в Европе отдохнуть не дают! В начале 1720-х гг. Петр часто бывал в Петергофе с женой и детьми. Теперь, на пороге старости, он особенно дорожил семьей. А старость уже подкрадывалась к царю, ведь он никогда не берег себя — ни в штормовом море, ни в боях, ни за пиршественным столом. Особенно дорога ему стала Екатерина. Иногда они отправлялись в Петергоф раздельно: она по берегу, он — на яхте. Когда 30 июля 1720 г. Петр вошел на яхте в Большой канал Петергофа и дал залп из пушек, Екатерина подъезжала к Монплезиру по дороге из Стрельны. Узнав, что яхта входит в канал, она поспешила ей навстречу, и царь «посредине канала с яхты своей изволил сойти и пошел к Монплезиру, где Его величество встретила государыня царица у статуи, называемой Адам, и тут изволили жаловать вином».¹¹

Можно представить себе, как наутро Петр просыпался в своем Монплезире (сам он писал «Монплезир»), в уютной спальне. Здесь было покойно и тихо. Стены затянуты зеленой шерстяной тканью, а чтобы не беспокоил свет белых ночей, можно было у большой кровати задернуть полог. Царь умывался из кувшина, одевался и выходил в Секретарскую, где всегда дежурил денщик. День на редкость погожий — все залито солнцем: белый камин, на полках которого сияют ярко-синие китайские чашечки, дубовые панели с изразцовыми вставками, натертый паркет. Одна дверь вела прямо в сад, другая — в длинную, тоже пронизанную солнцем галерею. В непогоду здесь можно было прогуливаться, покуривать трубку, глядя на цветники и фонтаны монплезирского сада. Из Секретарской Петр перешел в Морской кабинет, так похожий на капитанскую каюту. Из окон виден залив, идущие по фарватеру корабли. На изразцах изображены 13 типов тогдашних кораблей, в шкафу хранятся морские приборы и лоции. В Морской кабинет доносится звон посуды из Буфетной, а из Кухни, украшенной голландскими изразцами, уже долетает запах «кофию». Это вставшая раньше государя Екатерина вместе с поваром Яном Фельтеном готовит царю завтрак. О том, что она порой «изволила стряпать на кухне сама», известно из дворцовых документов.

Вряд ли скромный в быту царь завтракал в роскошном и большом Зале с плафоном-куполом, украшенным нарядной французской живописью, или в Лаковом кабинете, стены которого покрыты живописными панно в китайском стиле (их делал, а потом реставрировал «мебели лакового дела мастер» Гендрик Броумкост). Скорее всего, государь садился за стол в Буфетной или приказывал вынести поднос на террасу, основанием которой служат гранитные валуны, а «пол» выложен красными и желтыми голландскими кирпичами (клинкертами), поставленными на ребро и образовавшими типично голландский узор. Здесь, на берегу моря, на вольном воздухе, Петр чувствовал себя как на корабельной палубе. Отсюда он мог отправиться на стройку в глубине парка или, пройдя на деревянную,

¹¹ Походный журнал 1720 г. СПб., 1913. С. 29—30.

выкрашенную охрой пристань, спрыгнуть на стоявший всегда наготове буер, поднять на нем белый парус и помчаться к виднеющемуся вдали Кронштадту, к «деткам» — любимым кораблям. Простор и благодать!

До отъезда за границу в 1716 г. Петр успел немало сделать в Петергофе. С 1714 г. начали копать главный канал от залива к подножию горы, положили Большой и Малый гроты. Тогда же была детально разработана идея Верхнего сада и Нижнего парка с сетью аллей. Работами руководил Браунштейн под надзором А. Д. Меншикова. За границей Петр думал о Петергофе, о том, как его украсить. Приехав во Францию, он увидел Версаль и был потрясен. Роскошь французской парковой архитектуры затмила в его глазах простоту голландских бюргерских усадеб. Петр решил перестроить Петергоф и создать «огород, не хуже версальского» в Стрельне, неподалеку от Петергофа. Для работ в новом, французском стиле пригласили знаменитого архитектора Жана Леблона, который приехал в Россию в августе 1716 г.

Леблон занялся и Стрельной, и Петергофом, где перестраивал Верхние палаты, находя, что как парадная резиденция они «весьма малы для съезда двора».¹² Поэтому началась переделка дворца, продолженная уже после смерти Леблona Н. Микетти.¹³ Леблон перепланировал Большой каскад, парки. Он сразу же забраковал всю проведенную до него работу в Большом канале, и Петру, несмотря на большие расходы, пришлось согласиться с новым планом его расширения и углубления.¹⁴ Леблону, большому знатоку дворцового комфорта, принадлежала идея устройства в Монплези́ре канализации и водопровода на кухне, куда вода шла из системы фонтанов.¹⁵

С Леблоном, как уже сказано выше, приехало много прекрасных мастеров разных ремесел, и Петергоф стал местом применения их талантов. Их работы до сих пор украшают Петергоф, придают ему выразительный «французский блеск», идет ли речь о резьбе Э. Фоле и Ж. Мишеля по эскизам Н. Пино, или о выполненной Ф. Пильманом росписи плафона в Большом зале Монплези́ра,¹⁶ о бело-черных мраморных плитках пола в этом зале, выложенных мастером А. Кардасье (указ об отпуске плиток последовал 6 апреля 1720 г.),¹⁷ или же об ограде Г. Белина на балконах Эрмитажа по рисунку решеток с любимого Петром корабля «Ингерманландия».¹⁸ Стро-

¹² *Калязина Н. В., Калязин Е. А. Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 88.*

¹³ *Раскин А. Г. Петродворец. Л., 1975. С. 31—32.*

¹⁴ *Калязина Н. В., Калязин Е. А. Жан Леблон. С. 88—89.*

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ Договор с Ф. Пильманом «писать в Момплези́ре и в Верхних полатах потолки» был заключен в 1719 г. — РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 6. Л. 75.

¹⁷ Там же. Л. 21.

¹⁸ Подробнее см.: *Калязина Н. В., Калязин Е. А. Жан Леблон. С. 77 и др.; Раскин А. Г. Петродворец; Голдовский Г. Н., Знаменов В. В. Дворец Монплези́р. Л., 1981.*

ительство велось поспешно, зимой и летом. Когда возвели флигели «по обе стороны Больших палат на горе» и приступили к их отделке, то в декабре 1722 г. в помещении были поставлены особые чугунные печи, позволявшие вести отделочные работы непрерывно.¹⁹ По-видимому, при жизни Петра работы по художественному оформлению дворца закончены не были, в 1726 г. У. Сениявин объявил, что докладывал Меншикову «по чертежу живописной работы в Питергофе в Большом зале в потолке Зимнего дому». Меншиков приказал срочно закончить работу живописцу Тарсию.²⁰

Петербургские литейщики были полностью загружены работой в городе, поэтому свинцовую скульптуру заказали за границей. В 1720 г. поставили: «По росписи и по чертежам и моделям архитекта Лебонда (Леблона. — Е. А.) и архитекта ж Бронштейна в Питергофской грот свинцовыя фигуры подрядить иноземцом вылить из свинцу за морем и поставить в Санкт Питербурх в нынешнем 720-м или в будущем 721-м годах на кораблях их». Работу согласился выполнить англичанин Гиль Эванс. Интересен список «штук» и фигур: «2 лежакия фигуры, из-под которых вода лиеся... 10 штук делфинов вместо кранештейнов, 2 жабы 3 фута длиною, которые водою блюют, 2 маски, которые водою в раковины блюют, 200 фут ледяных сосулук на пилястр кругом всей нижней кашкады» и др.²¹ Эванс обещание исполнил и весной 1721 г. поставил «свинцовыя в Питергоф к гроту фигуры». Их, по-видимому, везли неаккуратно, и чуть позже Эвансу пришлось чинить «попорченные свинцовые фигуры: шесть пиластров, да одну штуку полчеловека и полрыбы».²²

Кроме деревянных, свинцовых статуй Петергоф украшали и мраморные изваяния. Заказы и закупки статуй в Италии были организованы царем примерно с 1716 г. Да и позже Петр не успокоился. В 1722 г. из Астрахани он дал указ архитектору Микетти «выписать из Италии несколько мраморовых фигур в Питер гоф по чертежам и росписи его, Микетиевой». В 1723 г. тот прислал 22 ящика «с мраморами».²³ Словом, мощный толчок, данный Петром строительству в Петергофе в конце 1710-х гг., обеспечил завершение основных сооружений ансамбля Петергофа еще при жизни Петра.